

Литературная газета

ОТГАН ОРГКОМИТЕТА СССР СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 109 (425)

23 АВГУСТА 1934 ГОДА

Цена 20 коп.

МОСКВА.

КОЛОННЫЙ ЗАЛ

ДОМА СОЮЗОВ

ПРАКТИКА ТВОРЧЕСТВА

Третий день, неоднократно прерываемый горячими приветствиями представителей миллионов советских читателей, съезд писателей обсуждает доклады о советской литературе.

Один за другим выходят писатели многонациональной литературы всего Союза — Леонов, Фадеев, Олеша, Зренбург, Софимович, Микитанко, Ширванзаде, Колас и другие и говорят о достижениях и недостатках, о больших и волнующих проблемах социалистической литературы.

Выступления писателей органически переплетаются с выступлениями читателей — красноармейцев, рабочих, колхозников, женщин, пионеров. И писатели и читатели нашей страны живут одним интересом, одной жизнью: советская литература является их общим и родным делом. И поэтому читатели, дающие оценку нашей литературе, выдвигающие перед советскими художниками свои требования, являются на съезде активными участниками.

Эта черта происходящего съезда советских писателей, поражающая наших иностранных гостей, но для нас сама собой разумеющаяся, вносит ряд ярких моментов в работу съезда, с особенной силой подчеркивает его значение.

Сейчас трудно еще обобщить прения, указать хотя бы краткий перечень тех вопросов, которые были предметом двухдневного обсуждения.

Но уже сейчас можно сделать два несомненных вывода из хода обсуждения докладов о советской литературе.

Первый: съезд писателей является съездом полного идейного и политического единства советских художников слова, объединенных вокруг коммунистической партии и брошенных своим родом оружия за победу социализма.

Второй: съезд является огромным событием в постановке и развертывании обсуждения творческих вопросов советской литературы.

Слова т. Леонова о том, что писатель должен быть солдатом, готовым ежеминутно защищать социалистическую родину, полнение о здоровье, большевистской тенденциозности нашей литературы являются основным и решающим мотивом всех выступлений. Яркие выступления тт. Зренбурга, Олеша, Леонова и др. прекрасно подтверждают это.

СОЦИАЛИЗМ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК, НОВЫЕ ЧУВСТВА, ПРАВДЫ, ПОНЯТИЯ, ВЕЛИЧАЙШИЕ СОБЫТИЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ СТАЛИ И СТАНОВЯТСЯ ОРГАНИЧЕСКОЙ ТЕМОЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

«Мы не просто пишем книги», — говорил Илья Зренбург, — мы инстинктивно увеличиваем нашу ответственность».

И это понимание своей ответственности перед страной было основой обсуждения творческих вопросов советской литературы.

Писатели и критики очень много говорили о достижениях, о хороших художественных произведениях, о росте новых писателей, поэтов, драматургов, — обобщение всего сказанного в прениях об этих достижениях представит яркую картину строящейся в нашей стране социалистической литературы.

Но в прениях были также поставлены резкие вопросы о недостатках нашей литературы, о путях дальнейшего ее развития.

Никогда еще так полно и остро не стояли вопросы национальной литературы, как на этом съезде. Полемично, особенно ярко высказанное Маршкетой Шагининой, о том, что ни один доклад, ни одна статья о советской литературе, не учитывающая опыт национальных литератур, не могут быть полноценными, подчеркивалось и отмечалось всеми писателями. Нет сомнения, что съезд является в этом отношении переломным моментом и не только знакомит широкие читательские массы Союза с богатством литературы народов нашей страны, но и объединит творческий опыт всех литераторов в единый поток.

Понятно, что основным вопросом, в котором более всего говорили писатели, который более всего волнует и писателей и читателей, был вопрос об образе нового, социалистического человека. Об этом же говорили и представители делегаций, приветствовавших съезд. И дети — пионеры, и красноармейцы, и рабочие, и колхозники, и женщины прямо заявляли писателям, что литература еще не создала образа героя социалистического строительства, что лучшие наши художественные произведения дают лишь намек, черновые наброски новых людей.

Вчера на съезде с горячей речью выступала колхозница Самарина,

поставившая перед писателями огромной важности вопрос об образе советской женщины, колхозницы-ударницы, — организатора новой жизни, нового быта, воспитательницы нового поколения. Об этом говорил и А. М. Горький в своем докладе.

Да и сами творцы художественных образов, писатели, создающие «типические характеры», резко критиковали формы и методы изображения людей нашей страны.

Схематизм, односторонность, отсутствие во многих произведениях революционного полета мысли, бессюжетность, плохой, нерешительный язык, замена типичности портретностью, публицистичность, расщепленность в изображении человека — все это еще в сильной мере присуще произведениям наших писателей и об этом много говорилось в прениях.

БОРЬБА ЗА ПОЛНОЦЕННОЕ, ВЫСОКОХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ ЛЮДЕЙ И СОБЫТИЙ НАШЕЙ ЭПОХИ — ТАКОВА ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЗАДАЧА СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Много места в прениях заняли вопросы критики. Следует однако отметить, что при обсуждении не было ни одной постановки вопроса о недостатках критики. Выступавшие писатели больше всего оговаривались неостаточностью общего положения об отставании критики. Отсутствие такой конкретности в постановке очень важного вопроса о критике очевидно способствовали очень немногочисленным выступлениям самих критиков. Следует вообще отметить некоторую ласковость критики на съезде — мы это отмечаем для того, чтобы в дальнейшей работе съезда критики стали более активными участниками, используя для этого также страницы «Литературной газеты».

За последние время появилось перлодное количество книг и монографий критиков о творчестве отдельных писателей. Но до настоящего времени нет серьезного анализа и оценки этих критических произведений; писатели, много говорящие о недостатках критики, почему-то игнорируют эти книги, не показывая на материале этих книг, в чем именно конкретные недостатки критики, и т. д.

А именно этим писателям очень помогли бы критиками. Основной порок критики — недостаточная связь с живой литературной практикой, отсутствие широкого философского обобщения этой практики. Но и «критика критиком» должна быть предметной, конкретная — и такой критике мы призываем писателей, когда они будут в дальнейшем говорить о недостатках критики.

Сегодня еще продолжается обсуждение доклада и докладов о советской литературе. Будут поставлены еще новые и новые вопросы — несомненно десятки выступлений дадут огромный материал, который нужно будет изучить, обобщить, разработать.

Обогатившая всеотворенным обсуждением на съезде основных творческих вопросов и проблем, советская литература пойдет и новым успехам, и новым победам.

НАДО УЧИТЬСЯ МАСТЕРСТВУ

РЕЧЬ тов. Ф. БЕРЕЗОВСКОГО

Нас не без основания обвиняют в том, что мы еще недостаточно отображаем социалистическое строительство, нового героя, создающего новое бесклассовое социалистическое общество. Нас справедливо упрекают за то, что мы не в достаточной мере подняли высоты художественного мастерства, за то, что язык наш часто бывает засорен провинциализмами и архаизмами.

Характеризуя исключительную роль Горького в воспитании советских писателей, т. Березовский подчеркивает, что и для общепролетарского понимания нашей эпохи провозвещения Горького сыграли и сыграют еще незаменимую роль.

Тов. Березовский рассказывает о том, как в годы первой русской революции и в последующие годы революционного произведения Горького пробуждали революционную мысль, как зачитывались ими интеллигенция и революционные рабочие, как на собраниях революционных полководцев с огромным подъемом читались последние главы из горьковского «Фомы Гордеева» и как рабочие воспринимали эту заключительную сцену как боевой сигнал к борьбе с самодержавием и с буржуазией.

Мы сейчас очень много говорим о необходимости писать о будущем. Горький и в этом отношении показал нам в свое время прекрасный пример. Не только своим «Буревестником» или «Песней о соколе», но и «Сказкой о старухе Изергиль» он открывал перед нами то будущее, которое символически освещалось пламенным сердцем Данко, указавшим путь на томном десе к светлому и радостному будущему.

Переходя к вопросам критики, т. Березовский соглашается с упреками в ее отставании.

Но надо быть справедливыми, — говорит он, — не все уж так плохо в нашей марксистской критике. Не которую помощь она нам, писателям, несомненно, оказала. Я как раз принадлежу к числу тех писателей, ко-

ВЧЕРА НА СЪЕЗДЕ ПРОДОЛЖАЛИСЬ ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ А. М. ГОРЬКОГО И СОДОКЛАДАМ

НЕ ПОДМЕНЯТЬ СОДЕРЖАНИЯ ФОРМОЙ

РЕЧЬ тов. БАХМЕТЬЕВА

Вчера на утреннем заседании съезда председательствовал т. А. Малышкин. Открывая заседание, т. Малышкин представляет слово В. М. Бахметьеву.

— Доклад А. М. Горького, услышанный нами с этой трибуны, отличается таким широким охватом вопросов литературы, такой глубиной мысли, что требует простоя на определенное время, чтобы мы смогли полностью оценить его.

Тов. Бахметьев останавливается также на публицистических статьях А. М. Горького, опубликованных в

решение живых братских связей между всеми литературными народами Советского союза, и стирание границ между пролетарскими писателями и писателями буржуазными. Это не значит, конечно, что ликвидирована классовая борьба нашей литературы. Но борьба эта ничем не напоминает ту борьбу, которую приходится вести сейчас нашим зарубежным товарищам, революционным писателям капиталистических стран. В наших условиях борьба идет с пережитками капитализма в сознании людей, со всем тем, что несет на себе печать старого мира.

Говоря о связи братских литератур Советского союза, т. Бахметьев как руководитель белорусской бригады Всесоюзного оргкомитета отмечает, что докладчика о белорусской литературе т. Климовича можно упрекнуть в излишней скромности, в недооценке тех побед, которые одержаны белорусской советской литературой. Белорусским писателям проведена в частности огромная работа с нацменьшинствами и агентурой фашизма. Не менее значительной победой является создание единого фронта писателей Белоруссии, стоящих на платформе советской мысли, и наконец, находке богатого творческого фонда в литературе БССР. Все это говорит о том, что белорусской советской литературе принадлежит одна из ведущих ролей среди литератур братских республик Страны Советов.

Тов. Бахметьев, отмечая рост массового литературного движения, говорит о том, что мы стоим сейчас на рубеже явления, о котором в свое время пророчески писал Маркс: мы идем к тому времени, когда не будет существовать ни писателя, а будет существовать лишь люди, между которыми возникнет живая литература. Но каждый толчок советский писатель все больше выражает как солдат новой культуры, преодолевая в себе старые инстинктивные черты, боится самокритики и критики. Он чувствует себя художником, в такой же мере неограниченно свободным, как географически произвольными силы нашей огромной страны. Мы испытываем чувство неограниченной свободы в развитии нашего мастерства, в разнообразии школ и жанров.

— Мы боремся с упрощенчеством, — говорит в заключение т. Бахметьев, — но стремление найти широкую дорогу к читателю заставляет нас вести энергичную борьбу за простоту и ясность нашей литературы. Прав Илья Зренбург, подчеркивавший в своем выступлении, что нежное обаяние новое содержание и старые формы. Но нельзя забывать и о том, что есть у нас злейшая опасность подмены содержания новой формой. У нас есть еще писатели, которые практикуют этот маневр, и он сходен с тем, что мы можем сравнить с ловким коммивояжером, умеющим в новой упаковке вынуть старый товар. Если может быть предельно счет нашей литературе, то уже во всяком случае не по линии излившей приверженности к старым формам литературы.

последние годы. Многие, — говорит он, — склонны видеть в них только слово учителя, а между тем статья эта, несомненно представляет собой своего рода художественное творчество исключительной впечатлительности и доказательности.

В докладе Горького есть, однако, один крупнейший пробел в том месте, где он говорит об эпохе революции 1905 г. Алексей Максимович не остановился, по вполне понятной причине, на исключительной роли одного имени в зарождении пролетарской литературы. Это имя самого докладчика, Алексея Максимовича, роль в истории социалистической культуры трудно переоценить.

А. М. Горький прав, не оставлявший своего внимания на отдельных примерах, на единичных явлениях современной литературы, а обобщая эти явления на высоком принципиальном уровне. Никакими перечислениями наших ведущих писателей невозможно подытожить достижений советской литературы. Но что стоит за этими творческими достижениями пролетариата, строящего социализм? То, что до сих пор дала наша литература, только начало. Социалистическая революция расчистила искусство необорымые дороги, и партия, под руководством которой мы работаем, обеспечивает то, что теперешние наши достижения окажутся только скромным прологом.

Не беда, — говорит далее т. Бахметьев, — если т. арфиметика, о которой шутили говорил Алексей Максимович, не реализуется, если мы не будем иметь пяти гениев. Важно то, что советская литература в целом обладает рядом значительных новых качеств. Судя только отсюда и ук-

торые весьма не изоблаемы нашей литературной критикой.

Критика, которая подстегивает нас, иногда подстегивает даже несправедливо или берет при этом слишком большое, все-таки заставляет нас думать над своими ошибками, находить методы своей работы и этим уже делает полезное дело.

Но надо сказать и о том, что наша современная критика до сих пор страдает рецидивами групповщины. С этой трибуны нужно прямо заявить, что до сих пор часто у нас какой-нибудь критик обязует себе определенную группу писателей и начинает ее безмерно восхвалять, в то же время замалчивая другую группу или пытаясь учить ее при помощи старой аналитической публицистики. Этими групповыми групповыми позициями критики обижается, например, то, что до сих пор осталась у нас незамеченной книга старого большевика Соколова, которая вполне заслуживает того, чтобы стать настольной книгой для всей нашей молодежи, недостаточно знакомой с революционным прошлым. Вероятно, это объясняется и тем, что до сих пор остались незамеченными появления в литературе старухи Новиковой-Вашнецовой, которая еще недавно была неграмотной, а сейчас написала уже третью драму.

Пользуясь методом социалистического реализма в изображении наших вчерашних кровавых боев и сегодняшнего строительства, советский писатель должен поднимать свое мастерство на ту величайшую высоту, на которой стояла классика и на которой стоит провозвещения Горького. Мы должны насытить наши книги непримиримой классовой ненавистью, пронизать их горячей любовью к строителям социалистического будущего и, вооружившись идеями и философией марксизма-ленинизма, захватить эти идеи в наши произведения так, чтобы они, как символы, сердце Данко, освещали человечеству путь в бесклассовое коммунистическое общество.

Комсомольцы и рабочая молодежь автозавода им. Сталина, — сказал т. Панч, — предьявили нам, советским писателям, серьезное требование — создать образ героя нашего времени.

В нашей литературе еще нет таких героев, каких уже создала советская действительность. Если это справедливое обвинение заслужила русская советская литература, которая рядом хороших книг завоевала почетную роль ведущей литературы, то литература других республик Союза заслуживает такого обвинения в еще большей степени.

Во все времена читателя захватывал преимущественно тип молодого героя. Появление «Страданий моего Вертера» вызвало целое сатирическое течение в обществе того времени; глазами Чацкого прогрессивная часть общества начала смотреть на скалозубовскую Россию. Марк Волохов очаровал молодежь своим «Ингилом».

Буржуазная литература вообще богата различными героями, но мобилизующую роль играли только те из них, которые приносили с собой свежие идеи и мысли, опережающие время.

Однако, несмотря на обилие героев и даже в некоторых случаях на идейную их прогрессивность, создать положительного героя буржуазной ли-

тературы, как мы слышали из доклада А. М. Горького, так и не удалось.

Мы видим, что только советская литература может создать настоящих положительных героев. Прообразы их мы уже имеем, например, в романе Л. Ильина «Большой конвейер», в «Дороге цветов» Валентина Катаева, у Илья Зренбурга в «Две вторых», в «Чудесном спасении» Кириллова, у Микитанко в пьесе «Девушки нашей страны», у Леонова в «Скутарев-

тература, как мы слышали из доклада А. М. Горького, так и не удалось. Мы видим, что только советская литература может создать настоящих положительных героев. Прообразы их мы уже имеем, например, в романе Л. Ильина «Большой конвейер», в «Дороге цветов» Валентина Катаева, у Илья Зренбурга в «Две вторых», в «Чудесном спасении» Кириллова, у Микитанко в пьесе «Девушки нашей страны», у Леонова в «Скутарев-

тература, как мы слышали из доклада А. М. Горького, так и не удалось. Мы видим, что только советская литература может создать настоящих положительных героев. Прообразы их мы уже имеем, например, в романе Л. Ильина «Большой конвейер», в «Дороге цветов» Валентина Катаева, у Илья Зренбурга в «Две вторых», в «Чудесном спасении» Кириллова, у Микитанко в пьесе «Девушки нашей страны», у Леонова в «Скутарев-

тература, как мы слышали из доклада А. М. Горького, так и не удалось. Мы видим, что только советская литература может создать настоящих положительных героев. Прообразы их мы уже имеем, например, в романе Л. Ильина «Большой конвейер», в «Дороге цветов» Валентина Катаева, у Илья Зренбурга в «Две вторых», в «Чудесном спасении» Кириллова, у Микитанко в пьесе «Девушки нашей страны», у Леонова в «Скутарев-

тература, как мы слышали из доклада А. М. Горького, так и не удалось. Мы видим, что только советская литература может создать настоящих положительных героев. Прообразы их мы уже имеем, например, в романе Л. Ильина «Большой конвейер», в «Дороге цветов» Валентина Катаева, у Илья Зренбурга в «Две вторых», в «Чудесном спасении» Кириллова, у Микитанко в пьесе «Девушки нашей страны», у Леонова в «Скутарев-

тература, как мы слышали из доклада А. М. Горького, так и не удалось. Мы видим, что только советская литература может создать настоящих положительных героев. Прообразы их мы уже имеем, например, в романе Л. Ильина «Большой конвейер», в «Дороге цветов» Валентина Катаева, у Илья Зренбурга в «Две вторых», в «Чудесном спасении» Кириллова, у Микитанко в пьесе «Девушки нашей страны», у Леонова в «Скутарев-

ском», у Александровича в пьесе «Напор», у Кузмы Черного в пьесе «Ватковщина», у Копыленко в романе «Рождается город» и еще у многих авторов. Они из них более, другие менее удачны, но таких произведений, которые бы волновали, захватывали читателя, заставляли мыслить образами героя, которые бы заставляли подражать ему, таких героев в нашей литературе еще, к сожалению, очень мало.

О некоторых из таких героев комсомольцы говорят просто, что «это сплошь либо художульные, схематические, вымышленные образы», либо «вечно улыбающиеся дураки», о которых говорил т. Косарев.

Какая же причина этого? Советская действительность за 16 лет создала столько и таких героев, каких не знала еще ни одна эпоха. В сравнении с ними образы буржуазной литературы не больше, чем пигмеи.

Нельзя отказать нашим писателям и в мастерстве. Ведь советская литература завоевала себе симпатии читателей не только в нашей стране, но и далеко за пределами Союза. Она нова, оригинальна, насыщена социальным содержанием. И все-таки мы еще не можем похвалиться таким художественным образом героя, имя которого стало бы нарицательным.

Упомянутые мною типы из классической буржуазной литературы были как для авторов, так и для общества образцами, еще стоящими у ворот эпохи. Мы же живем дышим и работаем вместе с нашими героями. В расе они уже познаны и познаются лучше, чем они появляются в художественном произведении. Каждый такой художественный образ героя напоминает читателю о том, что он хотя частично, но и сам делает и знает, и делает просто, обыденно, как делали это наши герои Союз Катаева, Молоков и другие. Вот первое осознание, которое испытывает герой наших произведений при встрече со своим читателем.

Рисуя положительные типы, мы стесняло умалчиваем о незначительных или остатках индивидуализма, мешательства и других «примесках» тяжелого наследия, серьезно думаем, что этим мы портим их трудовую спилку, а если мы и позволяем себе приподнять завесу, то настолько, что герои логически летят на ходули.

Победа выглядит значительной только тогда, когда она достается в

результате преодоления значительных препятствий и кажется совсем упреждающей, когда достается после многих поражений.

Конечно, у каждого героя своя пропояна между добром и злом. Все зависит от места и времени, его биографии и окружения. Конечно, нет надобности увлекаться расширением амплитуды колебаний героя за счет здравого смысла, но будет большим недомыслием считать (как пробуют это делать некоторые критики) сомнения и колебания у живых людей, естественно, не дающие еще наследие прошлого. Новый человек меланхолично, но верно входит в нашу жизнь. Он будет гражданским бесклассового общества и сознательным строителем социализма. К этому направлена воля партии, воля трудящихся.

Каких же качествами он будет наделен? Предуумать не трудно, а значит, можно и перечислить. Первое и основное — сознательное активное участие в социалистическом строении. Дальше — неустрашимость, отсутствие страха в быту и в психике. Не рыцарство, не сакрауство, которые берут свое начало от рабства и заклейма, а победа над смертью во имя высокого идеала коммунизма. Что еще? Высокий культурный уровень, физическая крепость и выносливость, непримиримая классовая ненависть и интернациональная солидарность и наконец патристическая любовь к социалистической родине, обету любви и уважения трудящихся всего мира.

Конечно, товарищи, это грубая схема. От взаимоотношения частей и частей будут рождаться новые отношения и новые качества чувств, в результате которых роится живой человек социалистического общества. Этот человек уже входит в жизнь твердой и решительной поступкой; завоеванная ее, он стал уже несомненным миллионом.

Тот писатель, который сумеет уже сейчас показать это новое качество чувств и отношений, создаст то произведение, которое оживит у нас читательские массы. Задача благородная, хотя и трудная. Однако нет таких крепостей, которых не взяли бы большевики. Под руководством партии эта крепость советских писателей тоже будет взята и взята скоро.

Откуда можем мы черпать знания? Существуют два источника. Один из них — непосредственная связь с действительностью, знакомство с жизнью. Другой способ — черпать знания из книг. Но огромное разнообразие всякого рода научных открытий в области техники, медицины, сельского хозяйства, химии, физики, биологии, которые так ли не ежедневно мы являемся, должно побудить советских писателей по-новому организовать своевременное получение необходимых знаний. Все не обязательно писателям учиться, как кустикам, — это можно делать организованно. Необходимо организовать систематические встречи писателей с учеными, медиками, академиком, техниками, изобретателями и т. д. Эти непосредственные встречи с соображениями и обсуждения новейших значительнейших явлений науки, несомненно, очень обогатят запас знаний наших писателей.

Необходимо поощрять и о

— говорит в заключение т. Караева, — чтобы преодолеть наблюдающуюся еще изолированность писательской среды. Надо обогатить творческую среду средой общественной, нужно, чтобы наша литературная жизнь обогатилась плотное густое кольцо общественной жизни.

ОБ УЧЕБЕ И ТВОРЧЕСКОЙ СРЕДЕ

РЕЧЬ тов. АННЫ КАРАВЕВОЙ

Откуда можем мы черпать знания? Существуют два источника. Один из них — непосредственная связь с действительностью, знакомство с жизнью. Другой способ — черпать знания из книг. Но огромное разнообразие всякого рода научных открытий в области техники, медицины, сельского хозяйства, химии, физики, биологии, которые так ли не ежедневно мы являемся, должно побудить советских писателей по-новому организовать своевременное получение необходимых знаний. Все не обязательно писателям учиться, как кустикам, — это можно делать организованно. Необходимо организовать систематические встречи писателей с учеными, медиками, академиком, техниками, изобретателями и т. д. Эти непосредственные встречи с соображениями и обсуждения новейших значительнейших явлений науки, несомненно, очень обогатят запас знаний наших писателей.

Необходимо поощрять и о

— говорит в заключение т. Караева, — чтобы преодолеть наблюдающуюся еще изолированность писательской среды. Надо обогатить творческую среду средой общественной, нужно, чтобы наша литературная жизнь обогатилась плотное густое кольцо общественной жизни.

РАСТЕТ БАШКИРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

РЕЧЬ тов. ТАГИРОВА

— Первому всесоюзному съезду писателей от рабочих, колхозников и советских писателей Башкирии пламенный приветственный салют, — начал свою речь народный писатель и председатель ЦИК Башкирии т. Тагиров. — К нашему первому съезду писателей Башкирии и башкирской советской художественной литературы пришел с огромными успехами. Эти успехи тем более велики, если вспомнить, на каком низком уровне была культура в парской колонии — старой Башкирии. И вот эта бывшая колония парей в условиях диктатуры пролетариата, под руководством партии, с помощью рабочего класса развивается в республику с развитой промышленностью и социалистическим хозяйством, республику с почти сплошной грамотностью. Неизмеримо поднялся культурный уровень трудящихся Башкирии. Башкирская художественная литература насчитывает крупные достижения. У нас имеются большие прозаики, поэты, драматурги, у нас растет литературная молодежь.

Далее т. Тагиров говорит о том, что

башкирская художественная литература росла в борьбе с контрреволюционным национализмом, пытавшимся выступить против интернационализма в башкирской литературе и языке. Башкирская партийная организация своевременно реагировала на эти попытки националистов, и мы дали им жестокий отпор. Мы будем и впредь бороться против контрреволюционного национализма, за ленинский и сталинский национализм.

Наряду с ростом большевистской литературы т. Тагиров особо отмечает рост женщин-писательниц. Сейчас в рядах башкирских писателей имеются десятки женщин.

«Исть у нас и недостатки, — говорит он дальше, — мы еще не достигли высот художественного мастерства, мы еще отстаем от темпов социалистического строительства. Другое трудность у нас связана с тем, что у нас только создается литературный язык».

На своем съезде башкирских писателей, — заканчивает т. Тагиров, — мы поставили задачу учиться у Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, учиться мастерству у Максима Горького. Мы уверены, что поднимем нашу литературу на более высокий художественный и идейный уровень.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕНИЙ ПО ДОКЛАДУ А. М. ГОРЬКОГО И СОДОКЛАДАМ

ПРОТИВ ПРАВА ПЛОХО ПИСАТЬ

РЕЧЬ тов. СОБОЛЕВА

— Партия и правительство дали советскому писателю решительно все и отняли от него только одно — право плохо писать. А хорошо писать может лишь тот писатель, который умеет правильно видеть, правильно чувствовать и изображать.

Что нам дали революция и партия? Умение видеть учит нас философия проработана, созданная Маринсом, Зингелсом, Лениным и Сталиным. Умение чувствовать учит нас вся наша действительность — непрерывная цепь побед, организованная нашей партией. Умение верно изображать позволяет метод социалистического реализма, которому учит нас партия. Нам даны возможности видеть, наблюдать, переживать, любить, ненавидеть... Для нас открыто все — вся страна, все заводы, все колхозы в сердце каждого живущего в нашей стране.

Наш съезд — это заседание революционно-писательского совета. Мы обсуждаем планы наших будущих операций, мы проверяем наше оружие. После съезда каждый из нас станет на свой пост.

Далее т. Соболев говорит об огромной роли в творчестве писателя мировоззрения, которое выковывается в борьбе, нашей жизнью. Но писатель не всегда использует богатство знаний, которые дает ему жизнь. Всякое оружие тупится. И даже 12-дюймовые орудия, сделанные из лучшей стали, на 200-м выстреле должны переменить внутреннее дуло. А у нас бывает, что человек получает зачатки знаний и этим довольствуется. Прав Алексей Максимович, который в своей замечательной статье «О литературных заблуждениях» бросил нам жестокий упрек, что мы не умеем жать. Мы растрачиваем драгоценное время на часто ненужные жизненные поступки. Мы должны постоянно и упорно учиться. Это не значит, что писатели должны быть «первыми учениками». Но нужно поставить перед собой задачу распределения времени и каждую минуту помнить об огромной ответственности писателя. Когда я прослушал прекрасный доклад Алексея Максимовича Горького, я понял, что Горький до последней минуты, до самого доклада не переставал учиться и трудиться.

У меня чувство зависти к М. Кольцову и Л. Кассило. Они видят все,

что делается в нашей стране. А мы часто ленивы и беззаботны.

Я хочу поговорить о чувстве. Я вспоминаю, как в Кронштаде на линейном корабле «Октябрьская революция» впервые на рейде подымался новый военно-морской флаг. И в тот момент, когда раздался команда, под наши ноги загрохотали сорок две тысячи лопатных сил машины. Дрожали корабли, дрожали люди, и все мы почувствовали необычайный трепет. И в глазах старых командиров я увидел слезы.

Что это, — сентиментальность? Нет, это было чувство. Сентиментальность ослабляет. Наше большевистское чувство, наша большевистская эмо-

ция — прежде всего толчок к действию. Когда задрожал корабль, мы поняли все, что сделано нами за эти полтора года, из полуразвалившегося судна построен великолепный боевой корабль. Это было чувство гордости и любви к тому, что мы делали и делаем.

В Ленинграде мне пришлось познакомиться с Мартином Андерсоном Нексе. Вместе с ним мы поехали на один из заводов. В красном уголке датский писатель, беседуя с рабочими, указал, что существует много сказок о том, как карлик оседал великана и заставлял работать на себя. Только в нашей стране, — заявил Нексе, — великан сбросил с себя карлика.

Рабочие обратились к Нексе с просьбой, чтобы он дал свое имя лучшему пеху завода. Он дал согласие. Когда жена писателя поняла, о чем идет речь, — о том, что лучшие бригады завода хотят носить имя писа-

теля, она неожиданно заплакала и необычайно волнующе охватила всех нас.

Нет, это не было сентиментальностью. После Нексе выступил партрест Нексе. Он вытер слезы и начал говорить. Такую речь я слышал в последний раз в 1918 году, когда от правили моряков на фронты гражданской войны. И секретарь парткома завода сказал мне потом, что долгие месяцы он будет вспоминать и напоминать об этой встрече рабочих с датским писателем.

Что это, сентиментальность, когда человек, который в течение всей своей великой жизни безжалостно хлестал врага, человек, который умеет открыто говорить неприятные вещи, когда это нужно, этот человек растрогался при виде пионеров, вошедших в зал заседания съезда? Не только он один. Мы поняли, что в наш зал вошло наше будущее, и оттого, что это будущее так прекрасно, у многих наворачивались слезы. И мы хватаясь за руки, разоросшие пионеры, и призывали их к своей группе.

Но почему вы стыдитесь писать об этом чувстве так, чтобы слезы не навертывались и у читателя? Мы должны любить и ненавидеть и мы должны уметь это показать в наших произведениях. А для этого нужно найти конкретную точку приложения любви и ненависти.

М. Горький сказал о социалистической индивидуальности. Когда мы подходим к людям, мы должны видеть индивидуальность каждого из них. Но и мы люди. Я люблю и ненавижу не так, как любят и ненавидят Ларенс или Шолохов. Я чувствую, переживаю по-своему. Как познать свою любовь и ненависть? Надо учиться любить или ненавидеть по огромные масштабы, то, на что хватает ненависти, чтобы опрокинуть.

Чувствовать надо вольновольно, писать спонтанно. Но у нас часто бывает наоборот. Ум у писателя разгорячен, а сердце стывает.

Последнюю часть своей речи т. Соболев посвящает взаимодействию писателя и читателя. Чем выше культура читателя, — говорит он, — тем выше его требование, чем выше требование читателя, тем выше ответственность писателя, чем выше наша ответственность, тем скорее стимулы нашего творчества.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

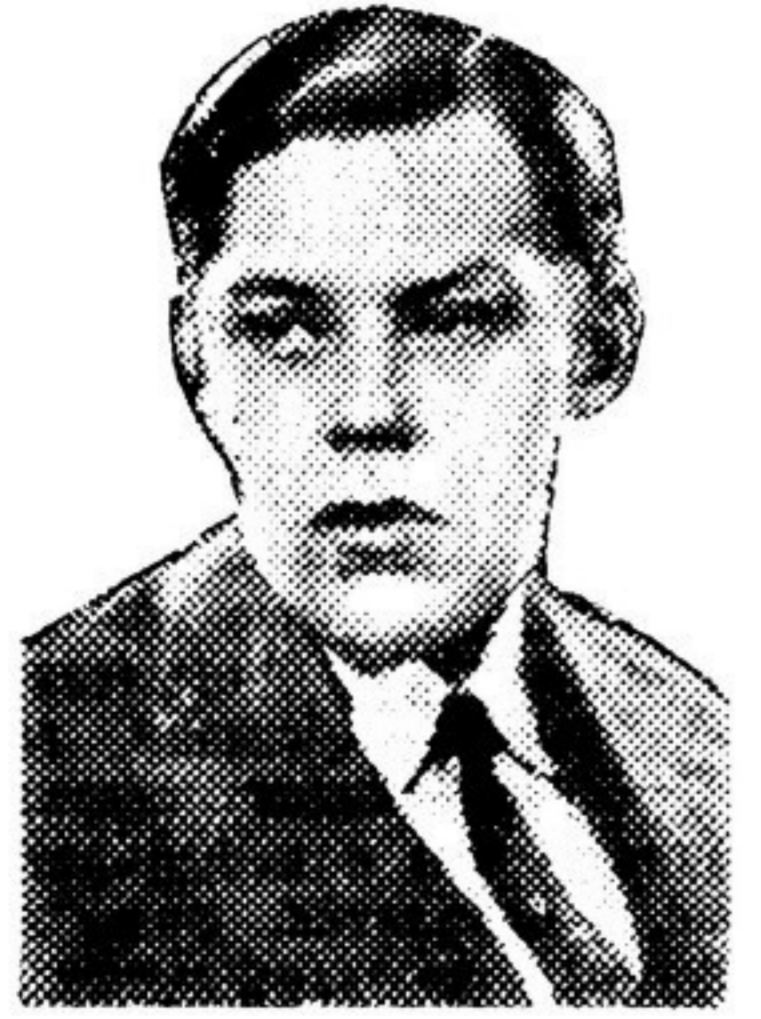
Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

У НАС БУДЕТ МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

РЕЧЬ тов. СЕРАФИМОВИЧА

— По как же, откуда и как началось все это? Вот снова хочется оглянуться назад, туда, где это все началось. И предстают предо мной картины этого времени.

В начале революции фракция большевиков Московского совета поручила мне и ряду товарищей промозглой нежностью. Мы отразились на заводе. На окраинах была тьма — адскости не было. Мы поехали в запертые воротом законсервированного завода, долго стучались. Наконец, открыли нам. Мы поднялись по какой-то винтовой лестнице, думая, что вот сейчас свалимся и упадем в тьму. Наконец мы вошли в промозженную комнату, где сидело 10—15 рабочих в полушубках и валенках. Тускло светила лампочка.

Мы стали беседовать с рабочими о пещи, о том, что рабочим необходимо самим освещать свою жизнь. Мы долго увещивали их. Тогда угрюмо поднялся рабочий и сердито сказал: «Вы говорите, что писать нам надо. Так как же писать? Вы в университетах учились, а мы карандаша не умеем держать в руках...»

Остальные молчали, одобряя его слова.

И я думаю: да, еще много времени пройдет...

Я горько обиделся. Миллионы рабочих — корреспондентов газет и журналов и десятки тысяч литкружковцев выходят нам на смену. Они идут в художественную литературу.

Все это сделано в короткий срок. В такой короткий, что не укладывалось тогда в голову.

Так оно начиналось. Советская литература развивалась. Партия любовно, умело, ясно и в то же время твердой рукой направляла это развитие.

Но почему, откуда такая громадная сила в нашей художественной советской литературе? Эта сила идет от страшного напряжения, направленности к одной цели, от того громадного единства внутри творчества, которое несет в себе советская литература. Направление это одна — построение социализма.

И от того, что наша художественная литература так мощна, вокруг нее начинает концентрироваться международная литература. И не хочу делать новых ошибок. Скорее, чем мы думаем, у нас будет мировая советская литература.

Теперь давайте спросим себя, каковы общественные основы нашей любви. Пять лет назад я случайно попал в пионерский лагерь и была поражена нежностью, с какой наши маленькие ребята относились к детям чужой расы. Это была особенная нежность, связанная с предупредительностью, с желанием услужить, с любовью в чужую и непривычную форму. Конечно, это проявлялось у детей бессознательно, это было инстинктивно, но, товарищи, мы воспитали эту нежность, мы воспитали всей атмосферой нашей культуры, связью наших пионеров с пионерами других стран и народов (аплодисменты) и первыми уроками пролетарского мировоззрения. Когда наши дети вырастут и станут сознательными, они эту расширяющую нежность, эту инстинктивную любовь сделают новой формой гуманизма, эросом, который я могла бы назвать эросом III Интернационала.

Этот эрос уже начинает чувствоваться и проступать в литературе наших республик. Например, зарождение чувства между комсомольцами двух наций, о революции враждовавших, например, турецкой и армянской, в романе «Нгар» Демирчяна и многие другие.

Кажется, будто в разорванной сейчас пустыне капиталистического мира только одни мы обладаем ключом любви. Только одни мы знаем тайну эроса, связующего людей разной кожи и расы, разных наций и языков; иначе сказать: только одни мы во всем мире выстраиваем в нашем искусстве идею нового человечества.

На расширенной основе изучения национальных культур, отмеченной в докладе А. М., мы сможем не только выработать на более широкой дороге анализа многих наших чисто профессиональных вопросов, но мы облегчим себе решение и общих вопросов социалистической культуры.

Я заканчиваю свою речь внесением делового предложения съезду.

Сравнительное изучение национальных культур нашего Союза, первый толчок к которому дал нам съезд, должно бесконечно расширять для нас то опытное поле, где мы сможем ставить и разрешать вопросы нашего мастерства.

Исходя из пережитого нами на съезде единства содержания творческой культуры, при всей многообразии различий в ее национальных формах, мы убеждаемся, что наступила такая пора в истории развития нашего искусства, когда уже нельзя обобщать на узком поле литературы одной национальности, хотя бы великой, а надо обобщать на расширенной основе сравнительного изучения многочисленных литератур социализма.

Поэтому вношу на съезд предложение: наряду с прежними бригадами формами изучения национальных культур советских республик, каждой в отдельности, создать авторитетную комиссию для собирания и сравнительного изучения материалов всех национальных культур нашего Союза с привлечением не в кружки филологов, историков, лингвистов и лучших наших критиков и литературоведов! (аплодисменты).

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

ВЕЛИКОЕ СЧАСТЬЕ ПИСАТЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ БУДУЩЕГО

РЕЧЬ тов. М. ИЛЬИНА

— Наших мы видели людей семидесяти годов. Нет, не людей прошлого века. Мы видели людей 70-х гг. нашего столетия. Это были люди будущего. Пионеры, которые выступали с этой трибуны, через 20—30 лет будут хозяевами нашей страны. Мы смотрели с удивлением, как прекрасно они говорили, мы удивлялись, как прекрасно они живут сплоченным коллективом.

Великое счастье писать для людей будущего.

Они просят нас, писателей, показать им весь мир, они хотят видеть все на свете, но как это им показать, как показать весь мир?

Нам не нужна детская литература, рекламирующая природу. Их реклама прибегает тогда, когда нужно доказать: это плохо, это хорошо. Нам не нужны рекламные вывески всяких «Тан науку» и «Заглад природы». Наш новый мир не нуждается в рекламе. Вместо описания в новой книге должно быть действие. Беспрепятственный тон наблюдателя должен быть заменен тоном участника.

Решительно во всем наша научная книга должна отличаться от прежней. Не книга курьезов природы, не

«Замысловатое курьезов», а пионер в действии хочет увидеть в первой книге читателя. Надо вовлечь в литературу материал науки. Нельзя стигать требований, предъявляемых к научно-художественной книге, созданной в нашей литературе.

В то время как фашисты хотят опереться на прошлое, мы опираемся на будущее. Поэтому так важна для нас научно-фантастическая литература. Я призываю прислушаться к голосам тех, для которых мы работаем, я призываю писателей создать подлинную советскую научно-художественную и фантастическую литературу.

О ЯЗЫКЕ „СЕРОМ“ И ЯЗЫКЕ „НАРЯДНОМ“

РЕЧЬ тов. ЛИДИНА

— Одной из задач нашего съезда является обсуждение техникой писательского ремесла, — начинает т. Лидина свою речь, посвящая эту очень надобным вопросам овладения мастерством художника слова.

— Наша работа, — продолжает т. Лидина, — имеет специфические особенности, имеет такие формы и приемы, которые нуждаются в обсуждении. Должна ли советская литература иметь свой стиль? Да, должна. Она отличается от всех других литератур не только тематикой, но и способом выражения, экспрессией. А между тем наша проза зачастую эпигонствует в самой разительной степени.

Стиль, что мастер находит себя тогда, когда он приходит к искусству простоты, Лидина вместе с тем записывает право писателя на экспрессию. Может случиться, что писатель не всегда доступен, но это не умаляет его значения.

Далее Лидина переходит к героям художественного произведения. Основной герой нашей эпохи еще не найден, и объясняется это тем, что художник не владеет полностью материалом, которым он должен владеть. Он идет к схеме и платит тем, что его книги стареют. Настоящее же искусство не может стареть. Нельзя писать книги без страстной ненависти к прошлому и любви к настоящему.

— У нашей литературы есть возможность преодолеть эти трудности, — заканчивает Лидина свое выступление. Надо только, чтобы они стали постоянным предметом обсуждения писателя и критика. Но критика за последние годы больше работает о своем собственном благополучии, — как бы кто не похвалит, а если похвалит, то во-время.

Многотомные наших книг обобщаются часто не столько обобщением материала, сколько неумением художника с этим тесно связанным обобщением философского начала в художественном произведении. Многие читатели считают его необязательным, и без него роман течет как трюнка, в которой можно переставлять главы, эпизоды, даже отдельные части. Отсутствие архитектуры в художественном произведении связано с непониманием значения стиля.

Вопросы формы не всегда важны.

Теперь давайте спросим себя, каковы общественные основы нашей любви. Пять лет назад я случайно попал в пионерский лагерь и была поражена нежностью, с какой наши маленькие ребята относились к детям чужой расы. Это была особенная нежность, связанная с предупредительностью, с желанием услужить, с любовью в чужую и непривычную форму. Конечно, это проявлялось у детей бессознательно, это было инстинктивно, но, товарищи, мы воспитали эту нежность, мы воспитали всей атмосферой нашей культуры, связью наших пионеров с пионерами других стран и народов (аплодисменты) и первыми уроками пролетарского мировоззрения. Когда наши дети вырастут и станут сознательными, они эту расширяющую нежность, эту инстинктивную любовь сделают новой формой гуманизма, эросом, который я могла бы назвать эросом III Интернационала.

Этот эрос уже начинает чувствоваться и проступать в литературе наших республик. Например, зарождение чувства между комсомольцами двух наций, о революции враждовавших, например, турецкой и армянской, в романе «Нгар» Демирчяна и многие другие.

Кажется, будто в разорванной сейчас пустыне капиталистического мира только одни мы обладаем ключом любви. Только одни мы знаем тайну эроса, связующего людей разной кожи и расы, разных наций и языков; иначе сказать: только одни мы во всем мире выстраиваем в нашем искусстве идею нового человечества.

На расширенной основе изучения национальных культур, отмеченной в докладе А. М., мы сможем не только выработать на более широкой дороге анализа многих наших чисто профессиональных вопросов, но мы облегчим себе решение и общих вопросов социалистической культуры.

Я заканчиваю свою речь внесением делового предложения съезду.

Сравнительное изучение национальных культур нашего Союза, первый толчок к которому дал нам съезд, должно бесконечно расширять для нас то опытное поле, где мы сможем ставить и разрешать вопросы нашего мастерства.

Исходя из пережитого нами на съезде единства содержания творческой культуры, при всей многообразии различий в ее национальных формах, мы убеждаемся, что наступила такая пора в истории развития нашего искусства, когда уже нельзя обобщать на узком поле литературы одной национальности, хотя бы великой, а надо обобщать на расширенной основе сравнительного изучения многочисленных литератур социализма.

Поэтому вношу на съезд предложение: наряду с прежними бригадами формами изучения национальных культур советских республик, каждой в отдельности, создать авторитетную комиссию для собирания и сравнительного изучения материалов всех национальных культур нашего Союза с привлечением не в кружки филологов, историков, лингвистов и лучших наших критиков и литературоведов! (аплодисменты).

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Н О В Ы Й П У Т Ь

РЕЧЬ тов. ШАГИНЯ

Для того чтобы не быть гололоповой, я хочу сейчас на первых порах привести примеры, как обобщаются теоретический анализ некоторых сложных вопросов нашего мастерства, когда мы переносим их из узкой плоскости в более широкую многонациональную плоскость.

Я вношу три таких примера: вопрос о языке, уже продискуссированный у нас; вопрос о композиции наших романов, композиция, которая выдвигалась уже ставшую привычной манеру давать серьезные романы с продолжением, и, наконец, покажу, как «тема любви», очень актуальная, важная для нас, художников, тема, — как она осмысливается совершенно по-новому, если мы перенесем ее опять-таки в эту, более широкую, плоскость.

В вопросе о языке наша дискуссия показала, что у нас в существе еще очень мало накоплено эмпирического материала, который помог бы четко проанализировать изменения, происходящие в русском языке.

Но в языках братских национальностей происходит тоже очень значительные изменения и сдвиги. В некоторых национальных республиках впервые создаются азбуки и письменность, как, например, у курдов; у других — арабский шрифт заменяется латинским, как в семье тюркских народностей; у третьих, как у армян, чрезвычайно упрощается орфография. Это — с одной стороны. А с другой — литературный обиход этих языков втягивается с чрезвычайной силой слова и обороты своей родной словесности. Это особенно заметно у тюркских поэтов, у армянских прозаиков, у таких мастеров слова, как Чарен, Бажап, Вакуц, Галактион Табидзе, Дахути и др.

Казалось бы, что этот двойной процесс, т. е. расширение общеполитического словаря языка и внутреннее в него варьирование словесности, есть процесс противоречивый, и он как бы даже мешает искусству. Но возьмите такого исключительно музыкального поэта, как Назо Тичина, и посмотрите его последние стихи. Последние стихи Тичина, его политическая лирика, смесь политико-газетных слов с нежным острым слогом Шевченко — буквально потрясает читателей, даже тех, кто плохо понимает по-украински.

Разбирая происхождение в национальных языках изменения, мы можем отметить, что эти изменения движутся в определенную сторону. Спрашивается, в какую сторону они движутся?

Во-первых, в сторону облегчения пользования языком для широких масс. Это ясно, для этого латинский шрифт заменяет арабский, упрощается орфография и т. д.

Во-вторых, в сторону повешения элементов связи между языками разных народов. Это достигается путем внедрения общеполитических слов с одинаковыми корнями.

Затем в сторону повешения смыслового богатства слов и тем самым повешения смысловое запасаемости языка между различными народами. Это достигается тем, что слова принадлежат единым для всех содержаниям общеполитических понятий социалистической культуры.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

И, наконец, одновременно с этим идет рост и развитие максимальной красноты каждого данного языка.

Этот процесс нельзя иначе охарактеризовать, как бесмертная стилизация формулой, данной еще три года назад, формулой национального расцвета для подготовки условий грядущего единства того будущего, когда во всем мире победит коммунизм.

Возьмите второй пример, вопрос о композиции наших романов. Уставившаяся у нас традиция давать бесконечные романы с продолжением до сих пор еще не вызвала никакого волнения нашей критики, в то время как читатели давным-давно вопиют об этом. Они кричат нам отоспешу: не морите, дайте полную книгу, дайте такую книгу, в которой были бы сразу и начало и конец. Судя по нашим серьезным романам («Тихий Дон», «Бруски», «Подлая земля» и целый ряд других) мы как будто имеем дело с превращением коллизии, еще недоразрешенным сюжетом, который писатель должен кончить в следующем томе. Обращаясь с этим вопросом к национальным литературам и посмотрим, что у них делается на этом фронте. И недавно прочла очень интересный роман молодого грузинского писателя Лордиганидзе «Долгой кукурузной республике». Роман этот написан чрезвычайно талантливо, с крепко построенным сюжетом. В романе рассказывается история батрака Мекки, история его перевоплощения в комсомольца и тракториста. В нем вся коллизия на протяжении книги приходит к концу, раскрывается. История комсомольца описывается полным кругом, и когда вы дочитываете роман до последней точки, вам кажется, что книга кончена. Но каково ваше удивление, когда после заверительной точки вы видите внизу sacramentalную формулу: «Начиная с первой книги». Этой строке нет никакого оправдания в тексте. Но именно потому что она лишняя, она для нас и проливает свет на то, почему наши романисты бесконечно дают серьезные романы. Если коллизия и сюжет завершены в первой книге, а романчик авансует вторую книгу, что это значит? Это значит, что у него нет необходимости изнутри возвращаться к первой книге и продолжать ее, а он просто жалко растаскивает по своим сериям. А почему он жалко растаскивает по своим сериям? Потому что в лице героя и его долгого века он получает натуральную сюжетную связь, с которой он и чувствует бесконечно по страницам своих книг. На Западе такие романы в виде истории одной человеческой жизни имеют свой смысл. На материалах прошлого такой роман тоже имеет свой смысл.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Итак, товарищи, мы должны учиться видеть, чувствовать и изображать. Мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы, мы должны учиться любить и ненавидеть по огромные масштабы.

Общие, большие вопросы современности стали вопросами нашей литературы. Это один из основных выводов, который наш съезд может сделать из докладов. Большие вопросы действительности стали тематической задачей нашей художественной прозы. Тема найдена, и мне не хочется повторять идеи, нашедшие на этой трибуне превосходное выражение и в этом зале — восторженный прием.

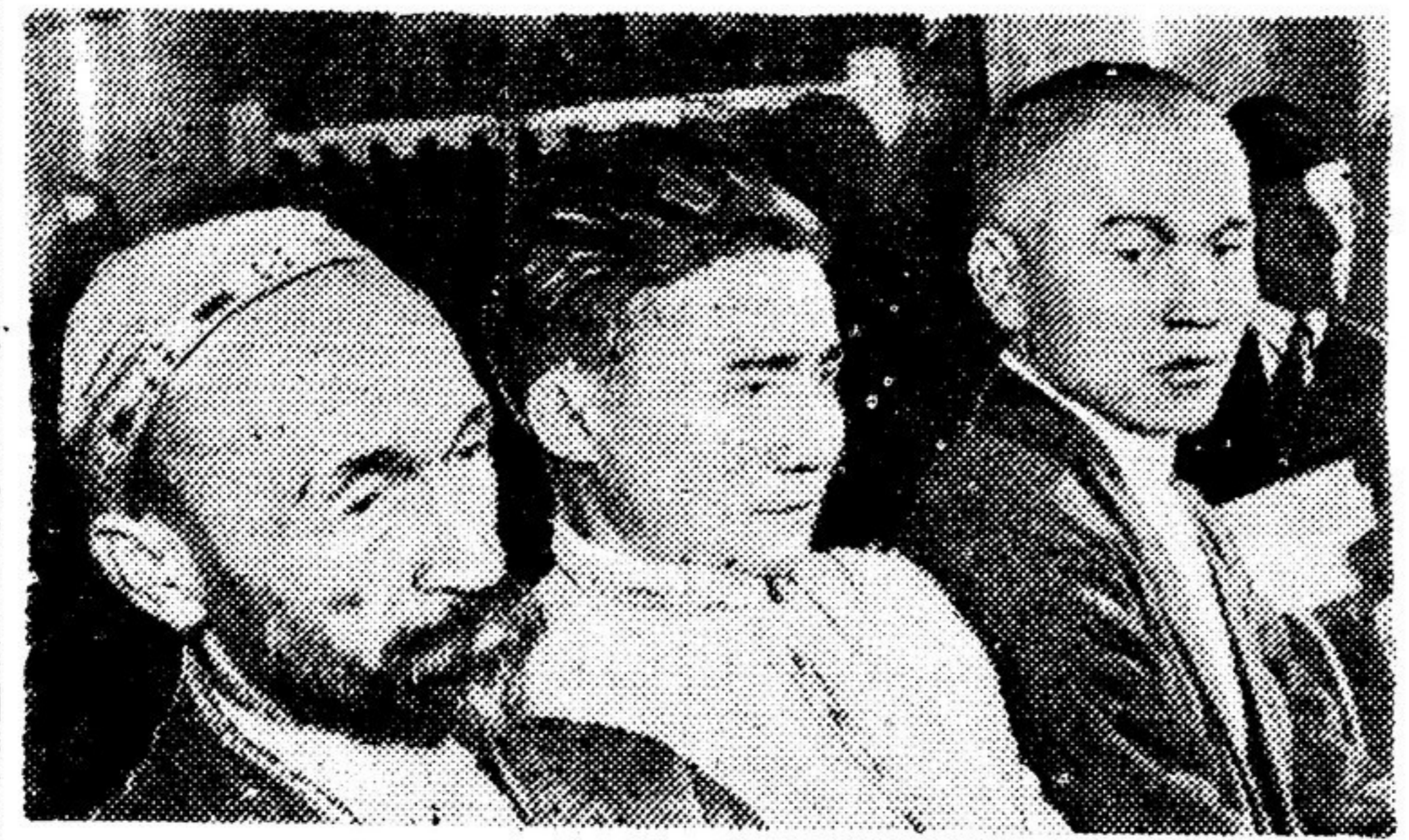
И только скажу, что съезд писателей, если бы он не был выполнен высочайшим содержанием, не мог бы длиться так

ДАВАЙТЕ СПОРИТЬ

После выступления А. М. Горького о детской литературе...

сти и уважения к ребенку берутся за книгу для него...

Стихи Маршак — это почти послышцы, это уже другой метод...

Слева направо: таджикский поэт-колхозник Саудулло Раби...

Прав Маршак, что в области дошкольной книги у нас сделано не много...

Мечта

Набитый щучкой и сомом омут разлегся ямой на моем пути...

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ФИГУРА

— Уже первые дни съезда советских писателей дают достаточно материала для выводов...

Этот читатель вполне заслуживает такого внимания...

Кстати, об этих кадрах. Новый тип писателя можно считать явлением непереворачиваемым...

тем обстоятельством, что он заговорил со мной отнюдь не на литературные темы...

С огромным интересом жду выступления Карла Радекса и прений по его докладу...

Не можем же жаловаться мы и на очень слабую материальную базу наших издательств...

ОБ ОДНОМ ВАЖНОМ ВОПРОСЕ

Есть один очень важный вопрос детской литературы, который не был затронут в докладе тов. С. Я. Маршак...

Вот почему очень остро стоит вопрос о взаимных переводах детских книг братских литератур нашего Союза...

лей переведены на русский язык. А книжки для детей еще ни одна не переведена...

ДВА СЪЕЗДА — ДВА МИРА

— В 1933 г. в Болонье состоялась съезд писателей фашистской Италии...

В своих требованиях и эти играет интерес к художественной продукции фашистских писателей...

мощи молодая итальянская революционная литература, находящаяся в эмбрионах...

МАЛЫШИ И КНИГИ

В тяжелые годы парского гнета мы, 8—10-летние дети, спешили на работу на парниковую фабрику...

девали лучшими дарами литературного наследства, радовались и восхищались...

из отсталой в переходную? Огромное внимание, которое уделяет партия вопросам литературы...

Рис. Л. Бруни

Пришла революция, она выстроила миллионную армию рабочей детворы...

10-летний паренек работает над конструкцией мотора с точностью и сосредоточенностью ученого...

Детский читательский мир огромный, многообразный; детских писателей мало, очень мало...

СТРАНА РАДОСТИ

— Национальная политика Ленина и Сталина привела Чечено-Ингушетию к огромным достижениям...

В художественной литературе нет еще сегодняшней чеченца и ингушца, нет нового советского аула...

НОВАЯ КНИГА

М. ГОРЬКИЙ — МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

С сентября 1934 года в издательстве ЦК ВКП(б) «Крестьянская газета»...

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

За Рублем

ПРЕЖНИЕ СЪЕЗДЫ ПИСАТЕЛЕЙ

Один пионер спросил меня: — Были ли прежде, в царское время, какие-нибудь съезды писателей?

К. ЧУКОВСКИЙ — А потом, пьяные, ехали всей оравой в какое-то уединенное место...

это были глубоко несчастные люди — А других съездов не было?